

Николай Суворов

УСТРОЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ*

Космополитический
характер английских
университетов

Английские университеты, Оксфордский и Кембриджский, вскоре же после их возникновения, усвоили себе национальный характер в отличие от континентальных университетов, которые можно назвать космополитическими. Например, в Париж или Болонью стекались штурдирующие из всех стран Западной Европы, и блестящую профессорскую деятельность проходили в тамошних университетах выходцы из разных чужих стран: в Болонье – многие уроженцы Германии, в Париже – пришельцы из той же Германии, Италии и проч. Достаточно вспомнить, что, например, Альберт Великий пришел в Париж из Германии, Фома Аквинский из Неаполя, Петр Ломбард из Наварры, Роберт Пулл из Англии. Даже император Фридрих II доставал в свой государственный университет ученых из дальних стран, например, Петра Ирландца, и открывал двери пришельцам всех наций. В английские университеты, правда, последовал прилив из Парижа после катастрофы 1229 г., но он и был единственный. Для устройства университетского это обстоятельство имевшее то же важное значение, что деление членов университета по нациям, не развилось здесь, как не имевшее для себя почвы. Хотя и в английских университетах различались северяне и южане, но это различие вытекало не из национального происхождения, а из той же внутренней противоположности общественно-политических взглядов и антипатий, которою вообще характеризуется строй британской жизни и которая вызвала образование партий тори и вигов. Не развилось также в них деление на четыре факультета. Существенным в них

* Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898. Глава 3.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. №3. С. 199–206; №4. С. 188–198; 2006. №1. С. 197–211; №2. С. 216–236; №3. С. 236–243; №4. С. 228–237; 2007. №1. С. 218–234; №2. С. 226–232.

всегда было и осталось изучение «свободных искусств» (*artes liberales*), т.е. то, что в других западноевропейских университетах рассматривалось как подготовка и дверь, ведущая к штудированию научных отраслей трех высших факультетов. Богословие, правда, изучалось и даже процветало «на основе искусства» (*theologia in artibus fundata*), благодаря в особенности нищенствующим монахам францисканцам; но кто желал изучать юриспруденцию или медицину, тому нужно было приобретать необходимые познания или вступив в корпорацию адвокатов (следовательно, знания практические, без римского и канонического права, так как ни то, ни другое никогда почетом не пользовалось в Англии), или практикуясь в госпиталях. Докторские степени получались и по юриспруденции, и по медицине, но не от факультета, а от университета, сам же университет превращался более и более в нечто мифическое, тогда как в действительности выступили на первый план коллегии, в которых университет, так сказать, разложился и растворился.

Английские коллегии явились даже раньше, чем в Париже, и на английской почве получили более сильное развитие, чем там.

В Оксфорде еще в XII в. школьная индустрия процветала: большая часть школяров жила в пансионах, предприниматели и начальники которых (принципалы) старались подыскать преподавателей для чтения лекций в помещениях их пансионеров. Случалось даже, что служители, чистильщики студенческого платья и студенческих сапогов, выступали в качестве антрепренеров – принципалов по устройению пансионеров, что, впрочем, университетом воспрещалось.

С XIV в. частные пансионы стали более и более заменяться фундированными стипендиальными коллегиями, существование которых обеспечивалось жертвемыми и завещаемыми именьями и капиталами. Между знатными и богатыми английскими фамилиями явилось соревнование, чуть не конкуренция, в устройении коллегий, в которых потом и держались известные фамильные традиции и местные традиции графства, так что отдельная коллегия или школьная ассоциация не только совместную жизнь и совместным штудированием, но и упомянутыми традициями обособлялась от других подобных. Получение стипендии в коллегии стало связываться с такою массою условий семейных, местных и прочих, что не без основания можно было говорить, что каждая стипендия уже наперед предназначалась известному мальчику с момента его рождения.

Школьная
индустрия
в Оксфорде

До реформации университетские коллегии все еще имели опасных конкурентов по части пожертвований в монастырях, в аббатствах; со времени реформации не только эти опасные конкуренты были устранены, но и значительная доля добычи, оставшейся после упраздненных католических церковных институтов, перешла к коллегиям, как раньше существовавшим, так и вновь основываемым. Между тем, как в континентальных коллегиях преобладала точка зрения милостыни или вспомоществования нищете, в хорошо обеспеченных английских коллегиях выступила на первый план мысль о довольстве и комфорте. Между тем, как, например, германскому рыцарю или дворянину штудирование наук доставляло мало радости, в Англии соответственные классы общества, благодаря их политическому положению и ввиду политической деятельности, стремились получить известное образование в университетах. Разумеется, и в Оксфорде, и в Кембридже дело не обходилось без того, что молодые люди без средств, в особенности готовившиеся к духовному званию, в коллегиях находили единственный путь к получению образования и, как люди бедные, могли бы не предъявлять широких претензий. Но преобладающий контингент английских коллегий составил из состоятельных классов высшего и среднего дворянства. Фундаторы были настолько щедры, что обеспечили богатыми вкладами большее число магистров, которые могли бы вести преподавание в коллегиях или занимать должности по управлению коллегиями и по надзору за учащимися (туторы), или же просто пожелали бы жить в коллегиях, предаваясь ученым занятиям и достаточно обеспеченные, без какой-либо должностной функции. В Средние века высшая университетская власть все еще удерживалась за общим собранием профессоров и лиц, имеющих ученые степени. Это так называемая конвокация, за которою признавались избирательное право, право составления и изменения статуты и прочее. Но затем, чем дальше, тем более директора коллегий захватывали власть в свои руки. Какими последствиями сопровождался перевес коллегий над университетом, будет упомянуто в последней главе. Здесь мы припомним лишь в добавление к сказанному, что в Оксфорде и Кембридже канцлер сделал излишнюю ректорскую должность. Из органа надзора, назначаемого епископом, он превратился в выборную должность. Университет сначала избирал его на короткий срок, потом пожизненно. Пожизненное избрание канцлера установилось с

начала XV в., когда найдено было полезным избирать в канцлеры архиепископов или высоких государственных сановников. Такой высокопоставленный канцлер назначал представителя, вице-канцлера, из директоров коллегий по соглашению с университетом, или даже предоставлял университету выбрать канцлера вместе с двумя прокураторами, в качестве его помощников.

В германских университетах сказалось влияние и болонское, и парижское. Статуты древнейшего университета в Германии – пражского – имели для себя образом болонские статуты, причем, однако, не могло не сказаться и влияние Парижа, в котором учился сам учредитель пражского университета; пражские статуты в свою очередь послужили образцом для Лейпцига и Эрфурта, а эрфуртские для многих других. Напротив, гейдельбергский университет, несмотря на то, что самое его учреждение было проявлением оппозиции Парижу и Авиньону, скопировал свои порядки с парижских (например, выбор в ректоры только артиста), пока практическая потребность не привела к разным видоизменениям парижских порядков. Болонское влияние, несомненно, оказалось в том, что некоторое время в некоторых университетах студенты допускались к осуществлению корпоративных прав вместе с магистрами и докторами. В статутах от пражского университета от ректора требовалось, чтобы он был законнорожденным, имел не менее 25 лет, был безупречной репутации, имел по крайней мере низшую степень духовного сана и не принадлежал к монашеству; но чтобы он имел ученую степень, об этом ничего не говорится. Затем, с совершенною ясностью представляется студентам активное избирательное право; четыре нации, каждая выбирают по одному представителю, а четыре представителя избирают комитет из семи членов целого университета; этим комитетом избирается, в свою очередь, еще новый комитет из пяти лиц, который и избирает наконец ректора, причем ни для первых семи, ни для последних пяти не требуется ученой степени. В истории пражского университетского устройства любопытно еще то явление, что на первых же порах обнаружившийся антагонизм болонских и парижских традиций вызвал в 1372 г. раскол, вследствие которого из пражского университета выделился особый университет юристов с особым ректором, отдельный от университета, составлявшегося из теологов, медиков и артистов. В Вене, по учредительной грамоте 1365 г., прокураторы наций и ректор должны были быть магистрами искусств, а, напро-

тив, по статусу 1381 г. и лица, не имеющие степеней; лишь в XV в. стало действовать правило, что в прокураторы избираются только магистры. Во Франкфурте все члены университета в широком смысле были приглашаемы для выбора ректора: каждая из четырех наций выбирала (путем жребия) по одному представителю; эти четыре представителя не необходимо должны были быть докторами и магистрами, но они избирали семейных избирателей уже исключительно из докторов и магистров, а эти семь избирателей выбирали в свою очередь трех магистров или докторов от трех наций, которые в конце концов и выбирали ректором члена четвертой нации. Таким образом, тут в первой избирательной коллегии студенты имели активное избирательное право. В Базеле юристы потребовали сначала, чтобы, по образцу Болоньи, в ректоры избирался студент, с чем связывалась тенденция противопоставить юридический факультет, как особый университет, союзу трех других факультетов. В 1462 г. состоялось соглашение, в силу которого ректор должен был выбираться попеременно из всех факультетов, а на юридическом факультете может быть выбран и студент. Почти 20 лет затем боролись между собой партии, из которых одна требовала активного и пассивного избирательного права для школяров, пока в 1480 г. не было решено, что они имеют только пассивное избирательное право.

Избирательное право студентов в Германии

Вообще любопытно, что в Германии долгие держалось пассивное, чем активное избирательное право студентов, т.е. и после того, как студенты перестали допускаться в избирательное собрание, студент все-таки самими же магистрами мог быть выбран в ректоры. Так, именно, в Праге, Эрфурте, Вене и Базеле пассивное избирательное право оставалось за студентами и после утраты ими активного. Даже в Гейдельберге, для которого образцом послужил парижский университет и который совсем не знал никогда активного избирательного права школяров, студент все-таки мог быть выбран в ректоры, правда, не обыкновенный и не заурядный школяр, а человек высокорожденный, герцог или князь, который при том играл довольно безобидную роль, довольствуясь своим почетным титулом и предоставляя управление вице-ректору из профессоров, но все же студент. Возможны были еще и другие формы обнаружения участия студентов в управлении университетскими делами. Например, в Вене они имели голос при постановлении решений об общих налогах, в Ингольштадте и Вюрцбурге при выработке общих статут

университета. В Вене в 1461 г. студенты медицинского факультета (которые, впрочем, были магистрами искусств, не все) составляли одно собрание с докторами при выборе нового преподавателя. В Базеле, по статутам 1477 г., управляющий совет или комитет при ректоре должен был состояться из шести членов: двух докторов высших факультетов, двух магистров искусств и двух школяров. След или остаток болонской старины сохранился и в том, что студенты приглашались на собрание, в котором новый ректор присягал. Наконец корпоративная общность всех учащих и учащихся выражалась в том, что в так называемые *retulus* вносились одинаково имена и учащих, и учащихся: и тем, и другим в постепенности рангов одинаково испрашивались у папы церковные бенефиции. Сама эта постепенность рангов не лишена интереса.

Статусный порядок
в Венском
университете

Например, в Вене при торжественных случаях за ректором следовали члены университета в следующем порядке: 1) доктора и лиценциаты теологии и тут же студенты – сыновья герцогов и графов, 2) доктора и лиценциаты юридического факультета и тут же школяры из высокого дворянства не титулованного (*simplices illustres*), 3) доктора и лиценциаты медицины вместе со школярами из мелкого дворянства (*minores illustres*), 4) магистры, управляющие школьным делом (*magistri actu regentes*), т.е. магистры искусств, действительно занимающиеся преподаванием, а также приобретшие бакалаврство на одном из высших факультетов, 5) бакалавры трех высших факультетов и магистры искусств, не управляющие школьным делом (*non regentes*), 6) бакалавры искусств и старшие школяры высших факультетов, 7) все остальные школяры. В этом распорядке находила себе выражение та идея, что все члены университета суть товарищи, место которых в союзной организации определяется частью иерархией наук, частью рождением и общественным положением, частью академическими степенями, частью деятельностью на пользу школы или корпораций, наконец возрастом и числом лет учения. Для взаимных отношений между учащими и учащимися характерно еще и то, что преподавательская деятельность магистра искусств давала в корпорации не высший ранг сравнительно с бакалавром одного из высших факультетов, а бакалавры всех факультетов находились обыкновенно в положении учеников, хотя им поручалось в то же время заступать место учителя, и даже немалая часть лекций на высших факультетах, особенно для начинающих, читалась бакалаврами.

Позиция канцлера
в германских
университетах

В германских университетах, при самом учреждении их, обыкновенно назначались «канцлеры»; но германского канцлера можно сравнить не с парижским или оксфордским, а с итальянским. Существенным содержанием должности германского канцлера является именно право давать лицензию на основании испытаний, произведенных докторами и магистрами. Впрочем, в некоторых университетах канцлер облакался и более широкими полномочиями (каковы, например, участие в академической юрисдикции, решающий голос – при разделении голосов поровну – в избирательном собрании при выборе ректора, инвеститура ректора вручением перстня, известные наблюдения за университетом и попечение о нем. В Вене произошло даже подобное парижскому столкновение университета с канцлером из-за печати, которое кончилось, конечно, тем, что университет обзавелся своей печатью. С течением времени, более и более стал входить в силу обычай, по которому и те права, которые относятся к лицензии, осуществляются канцлером не лично, а через профессоров же, деканов факультетов. Любопытно, что канцлер сдавал иногда в аренду свои права, извлекая отсюда некоторый доход.

Детали устройства
германских
университетов

Перейдем затем к деталям устройства германских университетов и обратим, в частности, внимание 1) на высшую власть университета, в виде управляющего собрания, так или иначе организованного под тем или другим названием, и в лице ректора, 2) на частные корпоративные союзы как члены в многочисленной университетской организации, каковы факультеты, нации и проч.

Система власти

В принципе, высшая власть университета принадлежала собранию докторов (т.е. лиц, имевших высшую ученую степень на трех высших факультетах) и магистров (т.е. лиц, имевших высшую ученую степень на факультете искусств), правильно созданному ректором. Оно называлось генеральным советом или генеральным собором (*consilium s. concilium generale*). В некоторых университетах на собрание приглашались лицензиаты и бакалавры высших факультетов, но обыкновенно только при недостаточном числе докторов. Магистры искусств, состоявшие в то же время бакалаврами и лицензиатами высших факультетов, приглашались на собрание в качестве членов факультета артистов. В Вене, Гейдельберге и Кельне в правительствующее собрание университета приглашались все доктора и магистры, все равно, занимались ли они в данный момент преподавательской практикой или нет. В виде исключения из общего правила в некоторых университетах и в некоторых случаях в

собрания университетские, как выше было упомянуто, приглашались и студенты. Подача голосовать в общих собраниях университета осложнялась немалыми трудностями, неизвестными нашему времени. Дело в том, что факультет артистов был всегда многолюден, и магистров на нем могла быть целая масса, тогда как на высших факультетах число докторов могло быть не более двух-трех, доходило даже и до одного, а к факультету артистов вдобавок причислялись и те магистры искусств, которые штудировали науки высших факультетов. Таким образом, если бы голосование было принято поголовное, артисты всегда имели бы перевес над другими факультетами. Поэтому даже в Гейдельберге, где, по примеру Парижа, преобладанию артистов был дан вначале простор уже тем одним, что ректор должен был избираться непременно из артистов, было признано необходимым ввести голосование по факультетам. Каждый факультет должен был иметь один голос, все равно – один доктор имеется на факультете или 100 докторов и магистров. Старинный писатель сравнивал такое голосование с практиковавшейся в городах и республиках подачею голосов по трибам, а не по головам граждан, замечая в то же время от себя, что о качестве этого обычая он предоставляет судить другим (*dehujus consuetudinis qualitate aliis iudicium relinquo*). В Париже факультет артистов обнимал четыре нации и распоряжался четырьмя голосами; в Германии нации, если и существовали некоторое время, как мы увидим ниже, то не в пределах только факультета артистов, а все вообще факультеты группировались по нациям, и на общих собраниях университета нации, как таковые, не имели голоса.

Голосования
и принципы
принятия решений

Случилось, впрочем, что допускалось голосование по нациям (Прага и Лейпциг) или поголовное (Эрфурт), а в Вене прокураторы наций участвовали в так называемой консистории, о которой будет сказано сейчас. Голосование по факультетам, клонившееся к тому, чтобы не допустить господства артистов в университете, имело ту невыгодную сторону, что созывалось множество членов, а дела вершились немногими. Поэтому стали находить более целесообразным переносить правомочия пленарного или полного собрания, вполне или отчасти, на комитет, который также иногда назывался советом, собором, иногда консисторией, сенатом; в Вене эта консистория состояла из ректора и прокураторов, т.е. глав четырех наций, или из ректора и четырех деканов (так как общие собрания могли созываться сначала и по факультетам, и по нациям), или их тех и других вместе –

прокураторов и деканов, под предводительством ректора, и в начале должна была играть лишь роль совета при ректоре для предварительного обсуждения некоторых вопросов, в виду предстоящего общего собрания, и составлять собою ректорский судебный персонал; но в 1481 г. было постановлено, что решение консистории, если к заседанию ее были приглашены все деканы и все прокураторы, должно рассматриваться как постановление университета, причем предполагалось, что деканы и прокураторы в важных делах должны предварительно собрать на совещание подлежащие факультеты и нации и получить от них инструкции. В Кельне, который заимствовал венские статуты и голосование по факультетам, но не имел наций, консистория состояла только из ректора и деканов, но зато и не получала такого значения, как в Вене. В Тюбингене управляющий сенат составлялся из всех докторов высших факультетов, из декана и четырех членов факультета артистов, а в Ростоке из всех преподавателей, получающих жалование в нормальном размере 800 флоринов, так что в состав «сбора» не принимались трое преподавателей с наименьшим содержанием (два философа с окладом в 15 флор. и один юрист с окладом в 25 вл.); но собору предоставлялось приглашать в чрезвычайных случаях еще двух или трех лиц, имевших ученые степени, хотя и не получавших жалование. В Гейдельберге в состав управляющего комитета входили: ректор, по одному доктору от трех высших факультетов и три магистра-артиста, избираемые к тому факультетом из 12-ти старейших членов в начале каждого ректората. Согласно распоряжению курфюрста, этим управляющим комитетом или сенатом должно было заменяться общее собрание университета по общему требованию, или по желанию одного факультета, или в случае обнаружившихся несогласия и беспорядка при обсуждении дел в общем собрании. В Эрфурте и Лейпциге ректору были приданы «советники», прежде всего как заседатели в ректорском университетском суде и как помощники по проведению в исполнение постановлений университета; но позднее на этот совет были возложены некоторые функции сената. Вообще, чем ближе к новой истории, тем решительнее выступает в германских университетах тенденция заменить пленарное собрание советом или сенатом. В некоторых университетах ректору предоставлялось приглашать на совещание отдельных членов, в других, напротив, было запрещено созывать отдельные группы во избежание партийных решений.

Если общее собрание университета (или суррогат его в виде консистории, сената и т.д.) рассматривалось как видимое, наглядное выражение университетской корпорации, как носитель прав и вольностей, дарованных университету, то в известном смысле единичная власть ректора могла рассматриваться как внешнее выражение, представление, так сказать, воплощение университета. Ректора называли в то время не только первенствующим членом академии (*primas academiae*), первым академическим гражданином (*princeps*), но и «монархом» (*monarcha*). Ему, по болонскому образцу, присвоен был титул «*magnificus*» (величественный, на немецкий язык этот титул переводился словом «*Erlaucht*» (сиятельство), а ректор высокородженный титуловался «*magnificentissimus*», что на немецкий язык переводилось словом «*Durchlaucht*» (светлость). Только член корпорации, а не кто-либо посторонний для нее, мог быть избран в ректоры. Выбор производился или в пленарном собрании, или в комитете. В дополнение к тем свидетелям, которые сообщены были выше об избирательном собрании (в связи с вопросом об участии студентов в корпоративной жизни), можно сказать еще следующее. В Кельне – депутаты от факультетов, в Вене – оставляющий должность ректор с четырьмя прокураторами наций составляли избирательную коллегия, причем нации при выборе прокуратора должны были принимать в соображение принадлежность их к известному факультету, так, чтобы четыре прокуратора принадлежали к четырем разным факультетам и служили их представителями. В Ростоке, Эрфурте и Лейпциге развился очень сложный и искусственный порядок выборов наподобие пражского и франкфуртского. Именно в Ростоке ректор выбирался из профессоров, входивших в состав управляющего комитета, причем способ избрания был точной копией с того способа, который в городах Северной Германии практиковался при выборе городских магистратов и который в ганзейских городах сохранился до новейшего времени: это комбинация жребия с избранием. Управляющий комитет не сам и непосредственно выбирал ректора, а по жребию назначал трех профессоров, которые производили выбор, предварительно присягнув, что будут действовать по совести и крайнему разумению. Выбор должен был совершаться раньше, чем сгорит маленькая восковая свеча (длиной в указательный палец), в противном случае избирателям угрожало лишение жалования на полгода. Подобным же образом было регулировано избрание ректора в Грейфсвальде, только жребий здесь скоро был оставлен, ректор стал вы-

бираться сенатом или управляющим комитетом. В Эрфурте каждый факультет избирал своего избирателя, эти четверо избирателей выбирали пять или семь лиц, а эти последние опять назначали выборный комитет из пяти избирателей, которые в конце концов и выбирали ректора. В Лейпциге каждая нация, прежде всего, избирала своего избирателя, четверо избирателей избирали затем семерых других – от трех наций по два и от четвертой одного, последние семь в свою очередь выбирали по одному от каждой нации и, сверх того, еще пятого от той нации, которая во второй избирательной коллегии имела только одного представителя; образовавшийся таким длинным путем пятичленный комитет и выбирал наконец ректора. В Гейдельберге ректор выбирался на общем собрании всех докторов и магистров, причем, однако, голосование производилось по факультетам; если большинства не получалось, выбор предоставлялся комитету из трех докторов – по одному от высших факультетов – и из трех артистов, а если бы и тут большинства не составилось, каждый факультет выставлял от себя избирателя, и эти четверо избирателей, вместе с прежним ректором, отслужившим срок, составляли избирательную коллегию, полагавшую конец спору. В Фрейбурге, Тюбнгене и Виттенберге ректор избирался управляющим сенатом, а в Ингольштадте общим собранием с голосованием по факультетам, в случае же спора дело должно было решаться государем. Ректор выбирался обыкновенно на 1/2 года – в пасху и осенью, в Кельне на 1/4 года, как в Париже. Избранный должен был принять выбор, и в случае отказа, не мотивированного какими-либо важными извиняющими обстоятельствами, подлежал большому денежному штрафу в пользу университета. Общим правилом был выбор ректора поочередно с каждого факультета, предполагая, что на факультете имелись пригодные к тому лица. Попытка ввести парижское правило – выбирать ректора только из артистов, – сделанная в Вене и Гельдейберге, вскоре была остановлена, хотя в последнем не без борьбы и даже с поддержкой курфюрста против претензий артистов, которые, впрочем, оправдывали свои домогательства не парижским образцом и не желанием влиятельной роли в университете, а тем соображением, что слишком де обременительно было бы для доктора высших факультетов, занятого важными вопросами своей специальности, если бы к нему обращался каждый школяр в каждом маловажном деле.

Инвеститура ректора производилась торжественным образом в церкви. В честь новоизбранного произно-

Круг ведомств
ректора

силась похвальная речь. Прежний ректор возлагал на его голову шляпу (барет), вручал ему серебряный скипетр (скипетр), как знак власти, и статуты университета, чтобы он помнил, какую тяжесть принимает на себя, а в заключение новый ректор давал торжественную присягу на Евангелие.

В круг ведомств ректора входили: имматрикуляция, то есть внесение в университетские списки, управление имуществом университета, наблюдение за правильным поступлением доходов, сдача в аренду доходных статей, сдача крестьянских мест и патримониальная юрисдикция в деревнях, принадлежавших университету, наблюдение за зданиями, руководство торжественными актами университета, но главным образом – попечение о дисциплине и академический суд. Что касается имматрикуляции в особенности, дело это в значительной степени усложнялось тем, что не приурочивалось к началу семестра, а между тем тут приходилось погружаться в разные подробности: действительно ли беден и не может внести положенную пошлину данный субъект, действительно ли он штудировал в других университетах, не желает ли он имматрикулироваться только для того, чтобы пользоваться привилегиями университета, и т.п. Осуществляя дисциплинарную судебную власть, ректор прибегал к разным мерам: извещал родителей о необходимости принятия мер против неодобрительного поведения школяров, подвергал денежным штрафам и лишению свободы (ограничивавшемуся несколькими неделями, и притом с возможностью выкупа по одному или по два золотых гульдена за неделю), определять удаление на время или исключение навсегда из университета; но телесные наказания, процветавшие в Париже, в германских университетских судах не практиковались. Ректор был компетентен пользоваться и духовным оружием – налагать церковные наказания и отлучать от церкви, а духовных членов университета подвергать и особенным к духовенству применимым наказаниям. Ректор должен был блюсти за тем, чтобы дарованные университету привилегии не нарушались, и если бы нарушение последовало против какого-либо самомалейшего члена университета, обязан был вступить за него; впрочем, в этом деле он мог натолкнуться на конкуренцию со стороны консерватора, в обязанностях же ректора лежало улаживать недоразумения и споры между факультетами и другими членами, организациями внутри университетской корпорации, как взаимные между ними самими, так и с посторонними лицами и учреждениями. Дела, входившие в

круг ректорского ведомства, ректор вершил частью один, частью с советниками, заседателями и комитетами, избравшимися корпорацией, частью на основании постановления общего собрания (например, в случае суда над лицами, имеющими ученую степень). В Роштоке существовала еще любопытная должность «промотора» (нечто вроде прокурора), который наблюдал за поддержанием в силе академических статутов. Эта его функция простиралась как на университет в целом, так и на отдельные факультеты (наций здесь не было), и на их членов, даже на прохождение должности самим ректором, затем на все так называемые регенции (то есть школьные общежития); от членов этих последних он принимал жалобы и разрешал их, входя с представлением на академический «собор» лишь в более важных случаях или когда имел что-либо заявить против ректора.

Должностные лица администрации ректора

Для непосредственного исполнения разного рода административных задач для помощи ректору имелись разные должностные лица, не считая проректора как заместителя ректора в случае надобности: нотариусы и секретари, синдики (для ведения судных дел и для деловых отношений вообще), казначеи, коллекторы (для заведования доходами), конвенторы (для надзора за школьными общежитиями и т.п.). Особенного внимания заслуживает должность педелей (франц. «bedeaux»). Словопроизводство не совсем установлено. Некоторые предполагают, что термин этот произошел от старинного французского слова, которое означало наемного пешего война (франц. Bidault, pitauld, petau). В средневековой латыни слово «bedelli» употреблялось еще в значении судебных приставов, а на церковном языке в значении церковных служителей. Несомненно, что педеля существовали уже и в болонском университете, что и там они играли, по-видимому, немаловажную роль, по крайней мере, так называемые генеральные или большие педеля – в отличие от низших или малых педелей; последнее название могло быть усвоено просто-напросто служителям отдельных профессоров. Так, например, известно, что в случае спора между «провинциями», входившими в состав какого-либо университета, ультрамонтанского или цитрамонтанского, от каждой «провинции» выбиралось по пять уважаемых членов, а bidellus generales присягал во имя всех отдельных членов и всех universitates, что они подчинятся решению, которое будет постановлено комиссией.

Должность педеля

В Париже каждый факультет имел своих педелей, большого и малого (grand bedeau, petite bedeau), а кроме того, и нации имели своих педелей; большой педель на

всех университетских празднествах выступал с позолоченным жезлом, а малый педель с серебряной палицей; только педеля теологического факультета «по причине святости науки, трактующей о Боге, который и сам показал пример чрезвычайного смирения и нищеты в мире сем и других учил тому же», пользовались деревянными жезлами. По истечении года педеля вручали свои знаки декану, т.е. каждый год составлялись новые выборы, но не только возможно, а и обычно было избрание вновь прежних педелей, возможно, была даже передача должности по наследству, тем более, что большие педеля покупали свою должность. Педеля при вручении им знаков присягали уважать декана, докторов, бакалавров и школяров, каждого своеобразно с его положением в университете (*secundum statum suum*). Французские педеля, по-видимому, играли немалую роль в хозяйстве факультета, но главное их дело состояло в том, чтобы доводить до сведения учащихся приказы магистров, присутствовать на экзаменах, на диспутациях, за богослужением, исполнять полицейские функции во всех учебных помещениях, охранять порядок и тишину, объявлять время собраний и месс, каждый вечер представляться декану, чтобы осведомиться о его распоряжениях на будущий день. Должность факультетских педелей считалась очень почетной, вот почему многие из педелей принадлежали к дворянству. А в Оксфорде дворянство требовалось даже как непременное условие для занятия должности педеля. В германских университетах общепедельский или ректорский педель тоже был немалой персоной. Он был членом университета, как магистры и школяры, из среды их и избирался, так что при самом уже избрании мог иметь ученую степень, или мог позднее получить таковую; не было ничего невозможного и в том, чтобы магистр или бакалавр был некоторое время педелем, а впоследствии делался ректором. Педельская должность в статутах германских университетов изображается следующими чертами: дело педеля – являться по крайней мере однажды в день к ректору и спрашивать, не нуждается ли ректор в его услугах, немедленно исполнять распоряжения ректора, объявлять о праздниках, ваканциях, лекциях, диспутациях и т.д., аккуратно являться на собрания и предшествовать ректору со скипетром в руках, доводить до сведения ректора о таких лицах, которые явились бы на собрание, не дав предварительно присяги, а равно о тех, кто слушает лекции, не быв вписан в матрикулы, и т.п. Педель присягал в верности и повиновении высшей школе, а также

в хранении ее тайн. Педель служил целому университету, равно как и отдельным факультетам, но каждый факультет мог держать собственного педеля, и эти факультетские педеля равным образом должны были являться при всех торжественных случаях, усиливая помпу университета. Педеля жалования не получали, но доходу их при имматрикуляции, при возведении в ученые степени, при выдаче документов и т.п. были значительны. Сохранился очень любопытный исторический документ, из которого видно, что педеля иногда поднимались, так сказать, на высоту мировых вопросов: это послание педеля Кельнского университета к педелям Краковского университета по поводу обнаружившегося в католической церкви раскола между папой Евгением Четвертым и Базельским собором. Автор красноречиво рассуждает о чистоте христианской веры, об охране ее от волков, и, между прочим, резко отзывается о духовенстве и монахах, стригущих овец Господа и подпускающих к ним хищных волков. Духовенство и монахи, по словам автора, о реформации (т.е. об усовершенствовании церковной жизни в смысле епископальной теории пятнадцатого века) и говорить боятся, а заботятся, напротив, о том, чтобы задушить ее хитрыми и лживыми средствами. Честолюбивые монахи, они же доктора или магистры, это сыны века сего, занятие которых состоит в том, чтобы добиваться кардинальства, епископства и других должностей. Белое духовенство, тоже доктора либо магистры, добиваются церковных бенефиций, даже и таких, обладание которыми по католическому праву воспрещается как совместительство; жизнь и нравы его отмечены жадностью и симонией... Хороши также и так называемые нищенствующие, которые скорее желали бы быть объедающимися (непереводимая игра слов: mendicantes – нищенствующие; manducantes – обжоры). Кельнский педель увещевает своих краковских собратьев держаться в повиновении Евгению Четвертому. Базельский собор без папы, по мнению педеля, есть синагога сатаны, ибо папе сказано: «Паси овец моих». Правда, папа – человек и как человек может грешить, но как папа в делах веры заблуждаться не может. Христос ведь молился за Петра, чтобы не оскудела его вера, а молился, так стало быть и вымолил. Вывод из всего этого тот, что никакого другого папы, выбранного базельцами, краковские педеля не должны признавать.

(Продолжение следует)

